

«Простору» – 90 лет! 50 лет назад впервые были опубликованы мои стихи в этом, родном для меня журнале. Вспоминаю, как где-то в конце прошлого века по инициативе поэта Валерия Антонова Морис Семашко, Иван Щеголихин, Александр Сергеев подписали общее прошение на имя министра информации Алтынбека Сарсенбаева о назначении меня главным редактором «Простора», мотивируя тем, что я смогу поднять этот журнал. И в это же время ко мне обратились учитель-культуролог Райхан Бектемисова и Елена Зинченко с идеей образовать альманах-ежегодник «Литературная Алма-Ата». Дело новое и интересное.

Жан Бахыт КАНАПЬЯНОВ

Я согласился. Два года был главным редактором альманаха, а затем в связи с работой в Министерстве культуры и информации передал это необходимое литературное дело Райхан Бектемисовой, и они вместе с Фархатом Тамендаровым в течение 20 лет готовили и издавали этот альманах. Вот именно оттуда и пришел в «Простор» поэт и прозаик Фархат Тамендаров. Не по системе логарифмической линейки, но по творческой линии обратной перспективы. Успеха в дальнейшем созидании!

...И НА ЗВЁЗДНЫЕ ВЕСЫ ДОЛЮШКА ЛЕГЛА ЗЕМНАЯ

Часы «Мозер»

Равномерный бой часов
Предъявляет счет на вздохе,
Запирая на засов
То, что не дано эпохе.

Где-то варят в мире сталь,
Где-то хлеб пекут в пекарне,
Где-то берегом мистраль
Древние ласкает камни.

Где-то смыслу вопреки
Нерест поведет горбушу
На верха шальной реки,
Выворачивая душу.

Где-то лайнера радар
Время превратит в пространство.
Пассажиры этот дар
Осознают после странствий.

С этой стороны окна
Мерный ход часов в квартире
Отмеряет всход зерна,
Мысли порождает в мире.

Амплитуда бытия
Сокращает ритмы сердца.
Где-то приговор судья
Вынес для единовеerca.

Снова равномерный бой
Предъявляет счет эпохе.
Мне начертано судьбой
То, что я усну на вздохе.

Эти старые часы,
Где пружиночка стальная...
И – на звездные Весы
Долюшка легла земная.

А кому доверен ключ,
Может быть, известно Богу.
Там звезду сменяет луч,
Чтобы осветить дорогу.

* * *

На окраине дом
Желтым дышит окном.
Тень в оконном проеме.
Знаю – двое в том доме.
Мать и дочь без отца.
Постою у крыльца.
Помолчу. Постучу.
И попить попрошу.
И дадут мне напиться...
Всё опять повторится.
Через несколько лет
В том окне тот же свет.
Мать стоит у крыльца,
Сын растёт без отца.

* * *

Вдоль горной речки на коне
От озера всё вверх по склону,
Устроившись в седле, – вполне
Устроен быт мой по сезону.

Вдоль горной речки на коне,
Под равномерный шаг гнедого
Я возвращал в себя – извне –
Протюркскую основу слова.

Я понимал полет стрекоз
И взмах китайского удода.
По грудь тибетский камень врос
За речкой где-то там у брода.

Выносят камни письма
Тюрки, Тибета, Чагатая,
С наскальным эпосом сплетая
На будущие племена.

Крылом вычерчивал орел
Бессмертную поэму Тенгри.
А конь меня всё дальше вел
От саков до ушедших венгров.

Не раз сменяется трава,
Вот снова за ущельем юрта.
Не обрывается тропа
Доисторического тюрка.

* * *

И комната, и среди ночи ты,
Прижав к груди, баюкаешь ребенка.
И в полумраке белая пеленка,
Как белый флаг притихшей суеты.
И жизни незасвеченная пленка
Проявится, сметая тень беды.
Взгляну глазами своего ребенка
На просветленные твои черты.

И многое мне надо бы сказать,
Так многое, что лучше промолчать.
Вот – пантомима жизни, а не сцены.
Не важно говорить, важнее знать.
И, зная, никому не объяснять,
Невидимые чужа перемены.

Песок времен

Там, у подножья Акрополя,
видел я деву Эллады,
Она улыбалась, как будто слыша
мелодию улиц.
Время ветром крошило камни
холмов античного века
И песком золотым осыпало
плечи смуглые девы.
Дева плыла по тропе, словно
в галере, к амфитеатру,
Где музыка древних руин
сливалась с дыханием моря.
Извещала афиша, что гастроль
скрипача-виртуоза
Состоится в осенние дни –
месяц и год нашей эры.

* * *

То скрипка, то флейта,
То образ в строфе.
Мне даст концертмейстер
Свой столик в кафе.

Не в центре, не с краю,
А где-то в углу.
Нить вальса познаю,
Что вдега в иглу.

То скрипка, то флейта,
То улочки свет.
То Стефана Цвейга
Австрийский сюжет.

То Моцарта fuga,
То Штрауса вальс.
Из венского круга
Не выйти на плац.

Нет вечной работы,
Есть вечная нить,
И вечные ноты,
И вечный гранит.

Долина

Сержану Канапьянову

В долине таял образ дня,
Рождались тени.
Куст превращался возле пня
В рога оленя.

Бездонно следом ночь плыла,
Дышала тучей
Сквозь слой воздушного стекла
Над горной кручей.

Войду ли в ночь...
Но белый конь
Скачком с кургана
Обронит и в мою ладонь
Росу тумана.

В ней возгорится образ дня
Лучом кристалльным...
Всё повторится без меня
В долине дальней.

Звезда

Валерию Антонову

Представьте – в городе вечер.
Шел человек с работы.
Вдруг он звезду увидел,
Что вспыхнула первой в небе
В зимний субботний вечер.
Тихо звезда светила
Над городской суетой.
На точку далекую света
Смотрел человек. Улыбался.
Даже остановился
У шумного перекрестка.
Вот подошел зевака,
Зевака из любопытных:
– Что там такое, в небе?

– Звезда, – человек с улыбкой
Ему на вопрос ответил. –
Звезда, она нынче первой
Вспыхнула и не гаснет.
И люди вокруг столпились,
И все, на звезду глаза,
Не заметили даже,
Что в небе давно сияют
Такие же яркие звезды.

* * *

Достояние души.
Из небесного архива
Канцелярия решит,
Что дозволено для чтива.

Что дозволено, что нет,
Что звездой сгорит
В пространстве,
Что таит глубинный свет,
Свет кочевья после странствий.

Может, вечностью дыша,
Уведет с земного края,
Чувствами переполняя,
Разрывая мрак, душа.

* * *

Всё встанет на свои места,
Когда со стороны увидишь,
Что отражение моста
Ты, как вода в реке, не сдвинешь.

* * *

Тебя звали Алма,
тебя называл
половиной
зеленого города,
имя твое
торопливой строкою кассира
вписывалось
в голубой бланк
авиабилета,
когда к тебе я спешил,
ты шутила при встрече:
– Парень, не так переводишь,
меня звать – «не бери».
Имя мое,
что плод,

на который
наложен запрет.
Не так переводишь,
парень,
э, не так.

Ущелье спит.
Сынишка чабана,
Что выскочил
Из мелководной речки,
Дрожит и льнет
Всей робостью овечьей
К груди широкой
Старца валуна.
Мерцала стрекоза
Невдалеке.
И мальчик виден был –
В ее зрачке.

Не зная племени, не зная рода,
Основ не зная языка,
Ребенок плачет, нет ребенку года,
А в плаче – тайная тоска.
Он высказать пока еще не может –
Обиду или просьбу, не поймешь.
И это всё он в будущее вложит
И рассечет – на правду и на ложь.

На свои только силы надеюсь,
В эту ночь никого не зову.
Словно волк, я от стаи отсеюсь,
Где-то там у костра отогреюсь
И – живую увижу траву.

Воплощусь в неизвестном поэте,
Возвращусь – не признает никто.
Только разве что взглядом отметят
На своем ритуальном совете
Старомодное это пальто.

Да и сам никого не признаю.
Воротник подниму на ветру.
Пьяный воздух свободы глотаю,
Может, зря эту книгу листаю,
Если ясно всё будет к утру.

Запах рук твоих и волос
После встречи с собой унес.
Сквозь ладонь посмотрел на свет –
Ничего в той ладони нет.
Не поверив, к лицу поднес –
Запах рук твоих и волос.

Не завидуй ближнему,
Не завидуй дальнему,
Что тебе отмерено,
Быть тому сполна.
Будут дни веселые,
Будут дни печальные,
Будет жизнь долгая...
Холмик. Тишина.

Ночная электричка,
Вне расписанья путь.
Тьму озарила спичка,
Обозначая суть.
Пройдя жилую зону,
Мне суждено сойти.
К небесному перрону
Все сходятся пути.

Дыхание моей любимой
Качнуло тишину слегка.
Быть может, ангелом хранима,
Что входит в образ мотылька.
Я тайну женского покоя
И не пытаюсь отгадать.
Я шторой свет луны прикрою,
Чтобы не падал на кровать.

Окно, раскрытое когда-то,
Защелкнуто на шпингалет.
И рамою в часы заката
Осенний перечеркнут свет.
Но вспомнить нам к зиме дано
Всё то, что было южным летом.
Там бродит белое вино,
А красное – в бочонке этом.